

Выйдя из шатра, пятый принц обнаружил, что Лу Цзыяо и его младший брат пришли обменивать заложников совсем без охраны, лишь вдвоем, с невероятной глупой отчаянностью. Присмотревшись, он заметил, что двое стариков, шедших позади них, вроде бы не были киданями.

— Вы привели всего двоих стариков, чтобы обменять меня? — не мог поверить пятый принц.

— Это же Святой Меча! — со всей серьезностью напомнил Лу Цзыяо.

— Кхм! Кхм! — глава Сюй гордо расправил плечи и выпятил грудь, намекая Лу Цзыяо, чтобы тот не забыл представить и его.

— Тот самый Святой Меча, об искусстве владения мечом которого говорил Чжан Сы, достигший высшего мастерства! — Лу Цзыяо был полностью поглощен восхвалением Святого Меча, совершенно проигнорировав главу Сюй.

Лу Цянью пришлось самому закончить представление за своего маленького компаньона. Подняв руку, он представил главу Сюй пятому:

— Какой-то дедушка.

Глава Сюй проворчал:

— Преогромное тебе спасибо!

— Святой Меча?! — пятый принц, как и большинство обычных людей, предпочёл не заметить главу Сюй. Он повернулся к Святому Меча и с изумлением воскликнул: — Вы и правда старший Святой Меча!

Святой Меча скромно качнул головой и со вздохом произнес:

— Пустая слава, не более. Ты старший брат Лу Цяня? Только что я слышал, как ты читал стихи — каждое слово звучало твердо и звонко. Истинный несокрушимый муж Великой Ци!

Пятый принц понял, что настал его звездный час. Желая произвести хорошее впечатление на Святого Меча, он тут же прокашлялся, напустил на себя глубокомысленный вид, хлопнул своего седьмого брата по плечу и декламаторски произнес:

— Раньше мой младший брат спрашивал меня: «Пятый, как ты думаешь, что важнее — жизнь или слава государства?» И я тогда ответил ему...

— Я никогда не задавал тебе подобной глупости, — седьмой принц абсолютно не содействовал представлению своего пятого.

— Лучше нам сначала переправиться через реку и вернуться в лагерь, — опасаясь, что пятый принц сейчас пустится в бесконечные речи, Лу Цзыяо поспешно перебил его. — Безопасно станет только тогда, когда мы увидим наследного принца.

— Старший брат уже вернулся? — пятый принц перевел дух. — А я беспокоился, что если старший брат вернется во дворец, третий принц устроит бедствие.

— Вернется во дворец? — Лу Цянь недоуменно посмотрел на пятого. — Разве старшего брата не схватили при переправе через реку?

Пятый принц наклонился к уху седьмого брата и прошептал:

— Долго рассказывать. Рана Императора зажила?

— Не очень, — тихо ответил Лу Цянь пятому. — Отец последние несколько дней всё время спал.

Пятый принц нахмурился:

— Должно быть, подхватил простуду. Нужно быстрее возвращаться во дворец на лечение и отдых.

Оба брата мрачнели на глазах. Потеряв охоту разговаривать, они понуро и быстро покинули лагерь киданей.

— Эй!

Когда они уже выходили из лагеря, сзади раздался голос киданьского принца.

Обернувшись, они увидели, как киданьский принц подбежал к Лу Цзыяо, крепко сжимая что-то в кулаке.

— Можешь назвать мне свое имя? — киданьский принц серьезно уставился на Лу Цзыяо.

— Нет, — Лу Цянь выступил вперед, прикрывая своего маленького компаньона собой, и с вызывающим видом уставился на киданьского дикого щенка: — Следующая встреча станет прощальной, Лу Цзыяо незачем запоминать имя мертвеца.

Лу Цзыяо ахнул и с недоверием уставился на затылок пухлого малыша.

У кого этот пухлый малыш научился так свирепо провоцировать? Неужели у тех хитроумных торговцев?

— Тебя зовут Лу Цзыяо? — киданьский принц наклонил голову, разглядывая Лу Цзыяо за спиной Лу Цяня, и протянул ему волчий клык с вырезанным тотемом: — Возьми. Я обязан тебе жизнью. Если в будущем случится беда, можешь прийти ко мне с этим.

— Не нужно, — вежливо улыбнулся Лу Цзыяо. — Мы просто получили то, что нужно было каждому из нас, никто никому ничего не обязан.

Киданьский принц ничего не ответил, но и руки не убрал, упрямо настаивая, чтобы тот взял клык.

Примечание автора:

Лу Цзыяо: «В гареме Его Высочества совсем никого нет, как жаль!»

Дворцовые служанки и евнухи с тоской смотрят на одинокого маленького компаньона — нежного кролика.

Ещё неизвестно, кого на самом деле стоит жалеть.

Лу Цзыяо так и не принял волчий клык. Проигнорировав упрямый и разочарованный взгляд киданьского юноши, он взял Лу Цяня за руку и повернулся, чтобы уйти.

Никто никому ничего не был должен.

Будучи подданным Великой Ци, Лу Цзыяо имел полное право оборвать любые связи с этими киданями, посягавшими на земли Великой Ци и грабившими мирных пастухов на границе.

Ему хотелось поскорее вернуться с пухлым малышом и разговорчивым Пятым детенышем в лагерь, проверить, не перепугался ли А-сяо, и в итоге благополучно привезти всех троих детенышей в столицу — точно так же, как они приехали сюда.

Через полтора месяца у пухлого малыша день рождения — пятнадцатилетие. Лу Цзыяо мечтал о том, чтобы тот беззаботно дожил до шестнадцатилетия, а затем постепенно начал знакомиться с государственными делами и помогать наследному принцу.

До этой цели оставался всего год и полтора месяца.

Лу Цзыяо еще не знал, что его крылья не смогли полностью укрыть троих детенышей от этой сокрушительной катастрофы, подобной горному обвалу и морскому цунами.

Все, что мог, он сделал: спас репутацию си-фэй, согрел детство пухлого малыша, помешал злодеям оклеветать наследного принца, спас жизни сотен тысяч жителей трех уездов, сохранил жизнь наследному принцу, сделал раненому Императору укол противоядия и оставил множество видов целебных порошков для военных врачей.

Увы, Император все же скончался, прожив лишь на восемь дней дольше, чем в прошлой жизни.

Когда наследный принц произнес: «Августейший родитель преставился», вид у него был настолько истощенный, а голос — до того глухим и охрипшим, что Лу Цзыяо втайне надеялся, будто пухлый малыш не расслышал этих слов.

Наступила долгая пауза. Лу Цзыяо даже подумал, что Лу Цянь действительно ничего не услышал, ведь пухлый малыш никак не отреагировал.

Хаос и шум военного шатра казались отгороженными от Лу Цяня стенкой его собственного мира.

Пятый принц безумно тряс старшего брата, с криком спрашивая, как незначительная стрельная рана могла унести жизнь Императора.

Ведь помощь подоспела вовремя! Пятый принц вовремя пошел в заложники, чтобы обменять отца — как такое вообще возможно?!

Лу Цянь все так же не реагировал, с растерянным видом наблюдая, как пятый трясет старшего брата.

У Лу Цзыяо от напряжения похолодели руки и ноги. Он был готов в любой момент встретить слезы и истерику пухлого малыша, готов заключить его в объятия и утешить.

Но Лу Цянь лишь бесстрастно смотрел на старшего брата.

Лишь когда пятый принц охрип и обессилен от крика, Лу Цянь подошел к наследному принцу и спросил:

— Значит... Отец не вернется с нами во дворец?

Наследный принц обнял младшего брата за плечи и тихо ответил, что Отец уже отправился во дворец. Теперь, когда пятый вернулся, они должны выступить завтра на рассвете, чтобы догнать процессию, сопровождающую императорский гроб, и вернуться в столицу для подготовки к похоронам.

Наследного принца ждало неисчислимое множество дел — Император скончался скоропостижно, даже гробница еще не была достроена.

И конечно, самым трудным и опасным вопросом оставалось восшествие нового императора на престол.

Наследный принц понимал, что его отъезд в столицу в разгар войны долго не удастся скрывать. Он знал, что фракция третьего принца вцепится в этот повод и возложит вину за гибель Императора на его самовольное оставление поста. И даже то, что взявший на себя руководство пятый принц действовал решительно и вовремя обменял отца, не могло снять ответственности с наследного принца.

Если бы Император не попал в ловушку, он наверняка в частной беседе отругал бы наследного принца за излишнюю эмоциональность, но официально заявил бы, что исход войны решен, и это он сам приказал наследному принцу вернуться в столицу.

Наследный принц и сам не знал, не опирался ли его тот ночной порыв на уверенность в том, что Отец, пусть строгий с виду, втайне все эти годы всегда покрывал и защищал его.

Мысль об этом тайном покровительстве глубоко таилась в самом сокровенном уголке души наследного принца.

Четко сознавая заступничество Отца, наследный принц, чем больше размышлял об этом, тем сильнее мучился от нестерпимой боли и выжигающего вину стыда. Каждую секунду ему хотелось искупить свой грех смертью.

Однако обстановка обострилась настолько, что не оставляла ему ни малейшей передышки. Совершенную ошибку уже нельзя было исправить, и он не мог позволить, чтобы наследие предков погибло в руках третьего.

Поэтому он обратил исполненный доверия взгляд на седьмого брата, чье лицо сейчас не выражало глубокой скорби:

— Седьмой, мы оба должны быть готовы.

Лу Цянь все так же растерянно смотрел на старшего брата. Он не понимал, к чему именно брат велит ему готовиться, но в то же время чувствовал, что сын, лишившийся отца, должен понимать эти вещи. Поэтому Лу Цянь напрягся. На его по-детски незрелом лице появилось наигранное спокойствие и умудренность. Он со всей серьезностью показал старшему брату еще не затянувшуюся рану на своей руке:

— Как только моя рана заживет, я пойду готовиться.

Так он искал оправдание своей полной неподготовленности.

Поведение младшего брата озадачило наследного принца. Все эти дни он непрестанно размышлял над предсмертными словами Императора, пытался понять, были ли они бредом угасающего разума или искренней последней волей.

Если приказ возвести Седьмого в статус престолонаследника и призыв к нему самому стать верным помощником брата были искренними, то что именно Император разглядел в Седьмом?

Наследный принц был слишком молод и не мог взглянуть на вещи глазами отца, поэтому пришел к выводу, что тот перед смертью просто впал в беспамятство.

Но ему всё равно требовалась поддержка Седьмого. Если из-за своих проступков наследный принц не сможет удержаться при дворе, он задействует все свои силы, чтобы возвести Седьмого на престол и обрезать крылья семье Тун.

А то, что случится потом, останется только между ними, братьями.

Настоящие, искренние братские узы между ним и Седьмым позволяли наследному принцу пока не задумываться о далеком будущем.

<http://bllate.org/book/18379/1767212>